

Студенческие годы А. Ветлугина (1914–1918)

А.В. Бакунцев

Аннотация: В 2017 г. исполняется 120 лет со дня рождения одного из самых ярких представителей русской эмиграции первой волны, оказавшего, как считают исследователи, значительное влияние на общественное мнение русского зарубежья в 1920-х гг. В историю эмигрантской журналистики и литературы он вошел под именем А. Ветлугин, в действительности же его звали В.И. Рындзюн (1897–1953). Ему посвящен уже целый ряд биографо-литературоведческих работ. Однако годы, проведенные им в стенах Московского университета, по-прежнему остаются одним из малоизученных периодов его жизни. Цель данной статьи — хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Ключевые слова: А. Ветлугин, В.И. Рындзюн, Императорский Московский университет, Первая мировая война, Февральская революция, Октябрьский переворот, русское зарубежье.

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев, к.ф.н., доцент, факультет журналистики Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: auctor@list.ru

В одной из передач цикла «Исторические путешествия Ивана Толстого», вышедшей в эфир на канале «Культура» летом 2016 г., этот человек был охарактеризован как «самая загадочная фигура русской эмиграции»¹. Но своим современникам, судя по их переписке и мемуарам, он таковым вовсе не казался. Независимо от политических убеждений и моральных устоев, словно сговорившись, они видели в нем лишь «авантюриста Гражданской войны», «enfant terrible», «веселого молодого человека»², «хлесткого, циничного

¹ Исторические путешествия Ивана Толстого. Берлинский перекресток: Ледяные глаза. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/60677/episode_id/1308733/ (дата обращения: 16.02.17). Впрочем, не исключено, что эту характеристику автор и ведущий «Исторических путешествий» позаимствовал у Е.Д. Толстой (см.: *Толстая Е.Д.* «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. С. 503; *Толстая Е.А.* Ветлугин // Русское еврейство в зарубежье / науч. рук. М. Пархомовский; ред.-сост. Э.А. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб.: Академический проект; ДНК, 2007. Т. 15: Русские евреи в Америке: В 2 кн. Кн. 2. С. 76).

² *Толстой А.Н.* О Париже // Петроград. 1923. № 4. С. 16.

литератора»³, обладавшего умением обо всем писать «бойко, безответственно и талантливо»⁴. Сам он любил бравировать своей беспринципностью и даже как будто гордился тем, что «получил от И.А. Бунина прозвище: “ледяные глаза”»⁵.

К этому обладателю «ледяных глаз» исследователи всерьез начали присматриваться с 2000-х гг., хотя и прежде, в том числе в советское время, его имя — А. Ветлугин — изредка упоминалось в работах биографов М.А. Булгакова, С.А. Есенина и А.Н. Толстого. Но, разумеется, в ту пору никому в голову не приходило ни писать его собственную биографию, ни переиздавать его сочинения. Сегодня этот «пробел» отчасти восполнен. О Ветлугине пишут⁶, а его

³ *Гуль Р.Б.* Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / предисл. О. Коростелева. М.: Б.С. Г.-ПРЕСС, 2001. Т. 1: Россия в Германии. С. 114.

⁴ *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути / предисл., примеч. В. Коровина. М.: Вагриус, 2006. С. 268.

⁵ Писатели — о себе // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 3. С. 41. Имеется в виду рецензия И.А. Бунина на книги А. Ветлугина «Авантюристы Гражданской войны» (Париж, 1921) и Дон-Аминадо (А.П. Шполянского) «Дым без отечества» (Париж, 1921). В этой рецензии И.А. Бунин не давал автору «Авантюристов» никаких прозвищ, а только сетовал на то, что Ветлугину как писателю и человеку недостает милосердия, и он «всем говорит с ледяными глазами: — Все вы черт знаете что и все идите к черту» (*Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступит. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 111).

⁶ См.: *Бакунцев А.В.* Журналист А. Ветлугин и его «путаная биография» // История отечественных СМИ. 2017. № 1. С. 106–126; *Белобровцева И.* Лицо не в фокусе (К проблеме одного прототипа) // Toronto Slavic Quaterly. 2002. № 2. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/belobrovceva.shtml> (дата обращения: 15.02.17); *Белобровцева И.* «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»: Письма А. Ветлугина Дон-Аминадо // Работа и служба: Сборник памяти Рашита Янгирова / сост. Я. Левченко. СПб.: Свое изд-во, 2011. С. 205–231; *Белобровцева И.* М. Булгаков и А. Ветлугин // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 149–163; *Николаев Д.Д.* Ибикус, или Жизнь и смерть А. Ветлугина // Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца / вступит. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком, 2000. С. 5–38; *Николаев Д.Д.* Ветлугин // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / под ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Вып. 4. С. 269–308; *Толстая Е.* Толстой и Ветлугин // Toronto Slavic Quaterly. 2004. № 7. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/07/tolstaya07.shtml> (дата обращения: 16.02.17); *Толстая Е.* Постскрипtum к теме «Ветлугин и Алексей Толстой» // Toronto Slavic Quaterly. 2006. № 18. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/tolstaya18.shtml> (дата обращения: 16.02.17); *Толстая Е.Д.* «Деготь или мед»... С. 503–554; *Толстая Е.* А. Ветлугин. С. 76–95; Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж. Из дневника Бориса Лазаревского (33 письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева и др.) / предисл., публ. и ком-

наиболее известные произведения: «Авантюристы Гражданской войны» (1921), «Третья Россия» (1922), «Записки мерзавца» (1922) — несколько лет назад были выпущены в составе «изборника»⁷.

Можно спорить о глубине и качестве того следа, который А. Ветлугин, он же Владимир Ильич Рындыон (1897–1953), оставил в истории русской литературы и журналистики XX в., как и о его месте на эмигрантском газетно-журнальном «Олимпе». Вопреки мнению его биографов, мы считаем, что Ветлугин как литератор и журналист (а за свою не слишком долгую жизнь он сменил множество личин, попробовал себя на разных поприщах — от мелкого спекулянта до голливудского кинопродюсера) стоял далеко не в первых рядах русской эмиграции⁸. Тем не менее его «путаная биография» (выражение Дон-Аминадо), несомненно, представляет научный интерес — в том числе потому, что в ней, несмотря на усилия исследователей, до сих пор остается немало «темных мест» и «белых пятен». Одним из таких малоизученных периодов в жизни Ветлугина являются его студенческие годы.

Уже будучи в эмиграции, Ветлугин утверждал: «Был на медицинском и историко-филологическом. Окончил юридический. Собирался “оставаться” на “истории философии права”...»⁹. Но, как будет показано ниже, эти сведения, воспроизведенные и в некото-

мент. С. Шумихина // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaem; Феникс, 2001. Вып. 1. С. 655–660; Янгиров Р. Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaem; Феникс, 2004. Вып. 4. С. 542–551).

⁷ См.: Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца / вступит. ст., соств., подгот. текстов и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком, 2000. 464 с.

⁸ Стремление задним числом произвести Ветлугина в эмигрантские медийные «генералы» наиболее отчетливо прослеживается в работах Е.Д. Толстой. Исследовательница называет Ветлугина «самым ярким журналистом русского Парижа и Берлина ранних 20-х годов» (Толстая Е.Д. «Деготь или мед»... С. 503), искренне восхищается его «фантастической информированностью, необычайным знанием материала, великолепным языком, жестким динамичным стилем», которые, по ее мнению, не только выдвинули Ветлугина «на первое место в парижской русской журналистике» (Там же. С. 508), но и вообще были чем-то вроде его профессиональной «визитной карточки». Нам подобная оценка личности, авторской манеры и печатного наследия Ветлугина представляется завышенной. Среди парижских и берлинских «коллег» и одновременно «конкурентов» Ветлугина были Ф.И. Благоев, И.А. Бунин, В.Л. Бурцев, И.В. Гессен, З.Н. Гиппиус, Дионео (И.В. Шкловский), А.И. Каминка, А.И. Куприн, Г.А. Ландау, Д.С. Мережковский, П.Н. Милоков, В.Д. Набоков, Д.С. Пасманик, А. Седых (Я.М. Цвибак), И.М. Троцкий, А.А. Яблоновский (Снадзский), С.В. Яблоновский (Потресов) и др. Все они с точки зрения мастерства и профессионализма для Ветлугина (с его нарочито небрежной и в то же время навязчиво-тягучей манерой письма) были недостижимы.

⁹ Писатели — о себе. С. 41.

рых исследовательских работах¹⁰, соответствуют действительности только отчасти. Более точное представление о характере образования, полученного Ветлугиным/Рындзюном, дают материалы его личного дела, которое хранится ныне в фонде Канцелярии по студенческим делам Императорского Московского университета в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ)¹¹. Эти материалы и легли в основу нашей статьи.

* * *

Владимир Рындзюн родился 24 февраля (8 марта) 1897 г. в Ростове-на-Дону, в довольно зажиточной еврейской семье. Его отцом был врач, титулярный советник, основатель первой в России водолечебницы (1895), автор двух учебников по гидротерапии Илья Галилеевич Рындзюн (1854–?)¹². Мать — Матильда Борисовна Рындзюн, в девичестве Райвич (1867–?). У В. Рындзюна было три сестры: Глафира (?–?), Людмила (?–?) и Нина (известна как художник и скульптор Н.И. Нисс-Гольдман, 1892–1990).

Несмотря на то, что родители будущего «белоэмигранта» не обладали никаким «родовым и благоприобретенным именем»¹³, им, очевидно, хватало денег и на аренду нескольких зданий, в которых располагались «Водолечебница и санаторий доктора Рындзюна в Ростове-на-Дону», и на обучение детей. Так, В. Рындзюн в 1906–1914 гг. учился в ростовской частной мужской гимназии, учрежденной статским советником Н.П. Степановым, который был также ее первым и, скорее всего, единственным директором. Если верить Г. Пилипенко — автору исторического очерка об этой гимназии, плата за обучение (по крайней мере, в первом классе) составляла 130 рублей в год¹⁴.

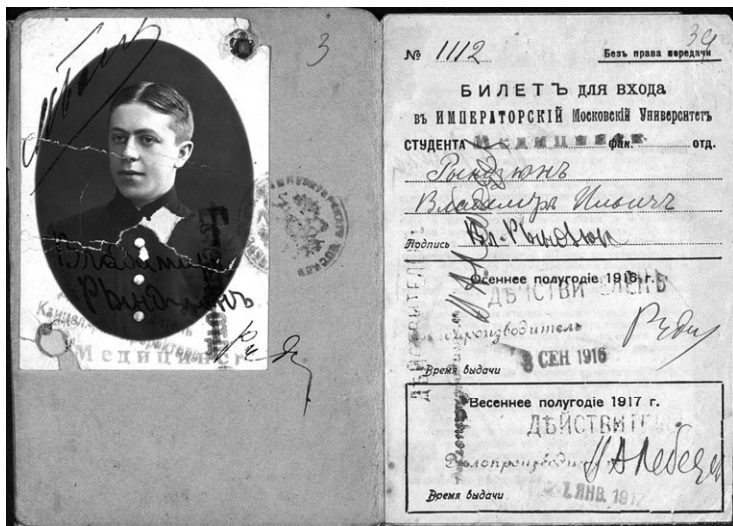
¹⁰ См.: Николаев Д.Д. Ибикус, или Жизнь и смерть А. Ветлугина. С. 5; Николаев Д.Д. Ветлугин. С. 269; Толстая Е. Толстой и Ветлугин; Толстая Е.Д. «Деготь или мед»... С. 503; Толстая Е. А. Ветлугин. С. 76. То же самое см. в Википедии: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/А. Ветлугин](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/А._Ветлугин).

¹¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 1–17.

¹² Согласно копии формулярного списка И.Г. Рындзюна (хранится в личном деле В.И. Рындзюна), в 1878–1885 гг. он служил земским лекарем в Нижнедевицком, Новохоперском и Бобровском уездах Воронежской губернии, затем, выйдя в отставку, переехал с семьей в Ростов-на-Дону и занялся частной практикой. В своей статье «Сменовеховцы», напечатанной в декабре 1926 г. в газете «Возрождение» (Париж), А.А. Яблоновский, ерничая насчет Ветлугина, то ли нарочно, то ли по ошибке называет его «сыном ростовского зубного врача» и перевирает его подлинную фамилию: «Рыдзюк» (*Яблоновский А. Сменовеховцы // Возрождение (Париж). 1926. 26 дек. № 572. С. 2.*)

¹³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 12 об.

¹⁴ См.: Пилипенко Г. Сто лет ростовской гимназии № 36. URL: <http://www.rostovnews.net/2011/08/31/100-let-rostovskoj-gimnazii-n-36> (дата обращения:

Студенческий билет В. Рындзюна

Гимназию В. Рындзюн окончил 9 (22) июня 1914 г. с золотой медалью, причем в его аттестате зрелости, собственноручную копию которого он представил при поступлении в Московский университет, были особо отмечены его «отличные успехи в науках, в особенности же в гуманитарных»¹⁵.

Высшее учебное заведение для Рындзюна, несомненно, выбирал его отец — человек, по словам Е.Д. Толстой, «жесткий, скептический»¹⁶. Только не совсем понятно, почему Рындзюн-старший решил отправить сына на учебу именно в Москву, а не в какой-нибудь другой, территориально более близкий к Ростову университетский город: Киев, Харьков или Одессу. Тем более что так называемая процентная норма для евреев, желавших получить высшее образование, в этих городах была выше, чем в первопрестольной: в Киеве и Одессе она составляла 10%, в Харькове — 5%, тогда как в Москве — лишь 3%¹⁷. Сам И.Г. Рындзюн, согласно его формулярному списку (который также вручную был скопирован В. Рындзюном) окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию (1878).

28.02.17). Верить Г. Пилипенко надо с оглядкой, так как в ее очерке утверждается, что гимназия Н.П. Степанова была четырехклассной и что в нее принимали с 14–15 лет, а это, как мы видим, противоречит фактам.

¹⁵ ЦИАМ.Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 2.

¹⁶ Толстая Е.А. Ветлугин. С. 76.

¹⁷ См.: Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/13338> (дата обращения: 14.03.17).

Возможно, выбор Рындзюна-старшего пал на Москву потому, что медицинское образование, которое в то время давал Московский университет, очень высоко котировалось. Студенты-медики обладали широкими возможностями для того, чтобы на практике применять полученные в аудиториях знания и постоянно повышать свою квалификацию: при университете имелось 3 лаборатории, 14 клиник, общая клиническая амбулатория, поликлиника, больница¹⁸. Однако, как мы увидим далее, Рындзюн-младший поначалу вовсе не собирался учиться на медицинском факультете.

Решение крестить Владимира тоже, по всей вероятности, принял его отец¹⁹. И эта инициатива, скорее всего, была обусловлена не религиозными, а чисто прагматическими соображениями²⁰. До 1917 г. еврею православному было проще поступить в Императорский Московский университет, чем еврею правоверному: ведь, переходя в христианство, выкрест не просто «менял» веру — он еще и демонстрировал свои патриотические и верноподданнические чувства. А в данном конкретном случае это могло казаться И.Г. Рындзюну тем более важным, что ректором Московского университета в ту пору был профессор, ученый-историк Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936), который имел репутацию убежденного монархиста, консерватора и притом был выходцем из духовного сословия. В общем, как нам представляется, Рындзюн-отец почел за благо перестраховаться, полагая, что запись в консисторской книге станет дополнительной гарантией того, что Рындзюн-сын в Московский университет будет принят.

Таинство крещения совершилось 7 (20) июля 1914 г. во Владимирской церкви при ростовском Доме трудолюбия. Крестили Рындзюна-младшего священник Андрей Сокальский и диакон Дмитрий Ювченко, его восприемниками были «сын потомственного дворянина Борис Константинов Лабенский и жена его Мария Васильевна Лабенская»²¹. Новокрещеному было оставлено его преж-

¹⁸ См.: *Ермолаев Ю.Н.* Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет / под ред. А.Я. Дегтярева и А.В. Сидорова. М.: Парад, 2005. С. 160.

¹⁹ С рождения Рындзюн-младший был, разумеется, «еврейского закона», хотя, как сказано в его метрике, и «не обрезан по болезни» (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 11).

²⁰ У нас вообще имеются сомнения в религиозности обоих Рындзюнов. Во всяком случае, Рындзюн-младший, судя по его образу жизни, мыслей и действий, определенно был равнодушен к религии. И хотя в одной из своих ранних статей, напечатанной в 1917 г. в московской оппозиционной большевикам газете «Луч правды», он писал: «Мы таим внутри светлый лик Марии» (цит. по: *Толстая Е.Д.* «Деготь или мед»... С. 504), — эти слова, на наш взгляд, следует расценивать лишь как риторическую фигуру.

²¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 7.

нее, данное при рождении имя, только теперь считалось, что он наречен Владимиром «в честь св. равноапостольного князя Владимира, празднуемого церковью 15 июля»²².

Поступление В.И. Рындзюна в Московский университет происходило на фоне событий, которые изменили ход мировой и русской истории: 15 (28) июня 1914 г. в Сараево был убит эрцгерцог Франц-Фердинанд; 17 (30) июля Николай II отдал приказ о всеобщей мобилизации. А студенческие годы будущего *enfant terrible* русской эмиграции пришлось на один из самых сложных и трагических периодов в жизни России.

* * *

В прошении абитуриента В. Рындзюна на имя ректора, датированном 21 июля (3 августа) 1914 г., говорится: «Прилагая при сем: А. следующие подлинные документы вместе с собственноручными копиями с них — 1) аттестат об окончании гимназии, 2) метрическое свидетельство о времени рождения и крещения, 3) формулярный список отца о звании²³, 4) свидетельство о приписке к призывному участку; В. 4 фотографические карточки (1 засвидетельствованная); С. квитанция об отправке 25 р<ублей> платы за 1-е полугодие в пользу Университета, честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство зачислить меня в число действительных слушателей естественного отделения физико-математического факультета. При сем считаю нужным присовокупить, что вследствие всеобщей мобилизации и связанного с ней нарушения почтового сообщения между Ростовом и Екатеринославом, я не получил из Екатеринославской консистории консисторского свидетельства, о выдаче которого я ходатайствую еще с 7 июля, и, следовательно, в настоящее время не могу его доставить в Университет. Но через неделю, когда сообщение возобновится, я достану консисторское <свидетельство> и вышлю его на имя Канцелярии в добавление к настоящим бумагам»²⁴.

Однако в итоге выписку из консисторской книги Рындзюн выслал только после того, как узнал о своем зачислении, которое состоялось 18 (31) августа 1914 г.

В соответствии с абитуриентским прошением Рындзюна, он был принят на естественное отделение физико-математического

²² Там же.

²³ В личном деле В. Рындзюна все эти документы представлены только в виде собственноручных копий, воспроизводящих оригиналы «фотографически» точно, вплоть до гербовых печатей. Трудно сказать, чем была обусловлена подобная педантичность — официальными требованиями к абитуриентам или собственной инициативой Владимира.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 8–8 об.

факультета. Однако в том же году (по-видимому, в самом начале семестра) Рындзюн оказался на медицинском факультете. В его личном деле почему-то отсутствуют документы о переводе, поэтому можно только догадываться, чем этот перевод был вызван. Скорее всего, на нем настоял Рындзюн-старший, который вполне мог желать, чтобы его сын унаследовал «Водолечебницу и санаторий доктора Рындзюна в Ростове-на-Дону» и продолжил начатое им дело.

Однако у самого Рындзюна-младшего явно не было предрасположенности (а, возможно, и способностей) к медицине²⁵. Гораздо больше его интересовала литература: он писал стихи и печатался «в студенческих журнальчиках»²⁶. Вероятно, именно поэтому в мае 1915 г. он подал прошение о переводе на историко-филологический факультет. Свое желание сменить специальность Рындзюн мотивировал невозможностью «вследствие болезни продолжать занятия на медицинском фак<ультете>»²⁷.

Впрочем, не исключено, что у него был и другой, менее уважительный мотив. Дело в том, что в годы Первой мировой войны ректор М.К. Любавский переориентировал образовательную и научную работу университета на нужды фронта. Была создана «специальная “военная комиссия”, в задачи которой входило содействие Московскому военно-промышленному комитету в изготовлении предметов военного снаряжения и боеприпасов»²⁸. В ее работе участвовали все естественнонаучные кафедры и большинство лабораторий. Кроме того, по инициативе М.К. Любавского университетские клиники, больница, амбулатория и ряд иных помещений были превращены в военные госпитали, где сотрудники и студенты медицинского факультета ухаживали за ранеными. В соответствии с требованиями военного времени были скорректированы и учебные планы. Например, медицинский факультет поставил себе целью готовить кадры для полевых лазаретов и госпиталей, при этом, по ре-

²⁵ По крайней мере, во всех известных нам источниках биографических сведений о Ветлугине/Рындзюне (включая его автобиографию) ни слова не говорится о том, что он когда-либо занимался врачеванием. В этом смысле представляется несколько искусственной та образовательно-профессиональная «параллель», которую между М.А. Булгаковым и Ветлугиным/Рындзюном проводят М.О. Чудакова и И.З. Белобровцева (см.: *Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 214–216; Белобровцева И. М. Булгаков и А. Ветлугин. С. 151*): ведь Булгаков, в отличие от Ветлугина, не просто учился на медицинском — он был настоящим врачом.

²⁶ *Толстая Е.Д. «Деготь или мед»... С. 503; Толстая Е. А. Ветлугин. С. 76.* Очевидно, недаром в 1914 г. гимназическое начальство особенно отметило его «отличные успехи» в гуманитарных науках.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 5.

²⁸ *Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский. С. 176.*

шению Совета Московского университета, срок обучения будущих врачей и младшего медицинского персонала был сокращен «с пяти до трех-четырёх лет»²⁹.

Что же касается Рындзюна, то, судя по его поведению в годы Гражданской войны, от участия в которой он всячески уклонялся, дав «Аннибалову клятву»³⁰ никогда не служить ни в какой Армии»³¹, он меньше всего хотел оказаться в зоне боевых действий, даже в качестве лекаря. Недаром в 1919 г., счастливо избежав мобилизаций, которые (разумеется, независимо друг от друга) проводили атаман Великого Войска Донского генерал П.Н. Краснов (в Ростове), гетман Украины генерал П.П. Скоропадский (в Киеве), полковник армии Украинской Народной Республики П.Ф. Болбочан³² (в Харькове) и Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России генерал А.И. Деникин (снова в Ростове)³³, Рындзюн составил очень характерную для него «пятичленную молитву»: «Господи, избави меня от эвакуации, мобилизации, ареста, доноса и реквизиции, а со спекуляцией я справлюсь сам...»³⁴.

Как бы то ни было, ректор удовлетворил ходатайство студента Рындзюна о переводе на историко-филологический факультет. Но уже 21 сентября 1915 г. Рындзюн попросил восстановить его на медицинском: узнав об «отступничестве» Владимира, родители наотрез отказались его содержать³⁵, и Рындзюн-младший почел за благо воздержаться от отстаивания своего права на выбор профессии.

Тогдашний декан медицинского факультета профессор Николай Афанасьевич Митропольский (1847–1918) не возражал против возвращения «перебежчика». Тем более что из-за бюрократических

²⁹ Там же. С. 178.

³⁰ «Твердая решимость быть непримиримым в отношении кого-либо или чего-либо, бороться с кем-либо или с чем-либо до конца» (Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Воинова и др.; под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. 6-е изд., испр. и доп. М.: АСТ; Астрель, 2001. С. 186).

³¹ Цит. по: *Белобровцева И.* «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»... С. 215.

³² В своей книге «Авантюристы Гражданской войны» и в автобиографической заметке для «Новой русской книги» Ветлугин/Рындзюн пишет его фамилию через «а»: Балбачан — и ошибочно называет его атаманом.

³³ От деникинской мобилизации Рындзюн «спасся», сделавшись сотрудником ростовского отделения Отдела пропаганды (Освага) и возглавив добровольческую газету «Жизнь» (1919).

³⁴ Цит. по: *Белобровцева И.* «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»... С. 216.

³⁵ «Содержание» это, по всей видимости, было значительным: достаточно сказать, что Рындзюн не только учился платно, но и снимал отдельную квартиру неподалеку от университета — на Малой Никитской (его тогдашний адрес указан в процитированном выше прошении на имя ректора).

проволочек приказ о переводе Рындзюна на историко-филологический факультет поступил в канцелярию медицинского факультета с трехмесячным опозданием — в первой половине сентября, и благодаря этому Рындзюн, «обладая необходимым *minimum*’ом», не только продолжал числиться в списках студентов-медиков, но даже был переведен на 2-й курс. Однако Н.А. Митропольский соглашался восстановить Рындзюна на своем факультете только при условии, что ректор разрешит считать его перевод на историко-филологический «не состоявшимся». Об этом и ходатайствовал перед М.К. Любавским 21 сентября 1915 г. студент Рындзюн, добавляя, что он, «не обладая самостоятельными средствами, лишен в случае отказа возможности продолжать высшее образование» и что он в то же время «вполне в силах приступить к занятиям»³⁶.

Ректор и на этот раз пошел ему навстречу, и с того же дня Рындзюн снова официально стал числиться «по медицинскому факультету»³⁷.

Об учебных успехах студента Рындзюна нет никаких данных. Но, с учетом его несомненных способностей и столь же несомненного страха перед отцом³⁸, можно предположить, что учился он, по крайней мере, сносно. Хотя все равно душой по-прежнему тяготел к литературе, а в какой-то момент увлекся и философией: судя по автобиографической заметке Ветлугина/Рындзюна, напечатанной в «Новой русской книге», его тогдашний «круг чтения» составляли М. Монтень, Э. Гуссерль, Ф. Ницше, Б. Паскаль.

* * *

О «трудах и днях» Рындзюна в первые месяцы «великой русской революции» мы знаем только то, что он сам захотел рассказать в нескольких протоколно-скупых строках автобиографической заметки: «В июне 1917 года уехал в Сочи, искать мудрости у моря. Осенью вернулся в Москву, шесть октябрьских дней просидел в подвале, думал-думал и занялся спекуляцией. Опять же жрать надо. Ездил в Гельсингфорс и Петербург. <...> В ноябре 1917 года в Гельсингфорсе, в “Сосайити-отеле” впервые курил опиум»³⁹.

Тогда же, в ноябре — декабре 1917 г. Рындзюн дебютировал как журналист, начав печататься в московской «оппозиционной газете “Луч правды”»⁴⁰. Его статьи против большевиков были за-

³⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 5.

³⁷ Там же.

³⁸ Этот страх отразился также в единственном (и, как считает Е.Д. Толстая, «во многом автобиографическом») романе Ветлугина/Рындзюна «Записки мерзавца» (1922).

³⁹ Писатели — о себе. С. 40.

⁴⁰ Толстая Е.А. Ветлугин. С. 76.

пальчивы и в вместе с тем не лишены проницательности⁴¹. Однако напрасно Е.Д. Толстая называет Рындзюна «бесстрашным автором»⁴²: осенью 1917 г., для того чтобы сражаться с большевиками на газетных столбцах, большого мужества не требовалось — красный террор как таковой тогда еще не начался. И тем более не говорят о «бесстрашии» Рындзюна его усилия — в пору работы в ростовской добровольческой газете «Жизнь» (1919) — скрыть свое участие в московской одноименной газете (1918), которую издавал Иван Дмитриевич Сытин (1851–1934), а редактировали анархисты Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) и Яков Исаевич Новомирский (настоящая фамилия — Кирилловский, 1882 — после 1936). Отчасти с этой целью (или, как он сам утверждал, чтобы его не «подозревали в большевизме»⁴³), Рындзюн и придумал себе псевдонимы А. Ветлугин, Д. Денисов, Дельта, Новый⁴⁴.

Согласно автобиографической заметке Ветлугина/Рындзюна, до апреля 1918 г. он в Москву из Финляндии не возвращался: «В апреле 1918 г. в Выборге едва не попал в Маннергеймовскую резню...»⁴⁵. Но у нас имеются причины сомневаться в правдивости этого свидетельства.

В личном деле студента Рындзюна сохранились два документа, удостоверяющие его отчисление из Московского университета: во-первых, соответствующая справка, оттиснутая на обороте копии аттестата о среднем образовании; во-вторых, копия уведомления в Московское городское по воинской повинности присутствие. Оба документа датированы 6 (19) марта 1918 г. В уведомлении сказано, что В.И. Рындзюн «выбыл из числа студентов Московского университета, не кончив курса»⁴⁶. А в справке значится, что он был

⁴¹ Выдержки из одной такой статьи Е.Д. Толстая приводит в своих работах (см.: Толстая Е. Толстой и Ветлугин; Толстая Е.Д. «Деготь или мед»... С. 503–504).

⁴² Толстая Е.Д. «Деготь или мед»... С. 505.

⁴³ Писатели — о себе. С. 41.

⁴⁴ См.: Николаев Д.Д. Ибикус, или Жизнь и смерть А. Ветлугина. С. 14–15; Николаев Д.Д. Ветлугин. С. 279; Белобровцева И.М. Булгаков и А. Ветлугин. С. 149.

⁴⁵ Писатели — о себе. С. 40. Рындзюн имел в виду массовые расстрелы финских коммунистов и мирного русского населения, устроенные в Выборге 29 апреля 1918 г. финскими войсками под командованием генерала К.-Г. Маннергейма и вошедшие в историю под названием «Выборгской резни». В результате этой карательной акции было уничтожено от 3 до 5 тыс. человек, в том числе около 400 русских.

⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 4. Очевидно, этот документ был известен С.В. Шумихину, который в своей публикации воспроизвел его формулировку почти дословно (см.: Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж... С. 655).

отчислен (или, как тогда говорили, «уволен») «по прошению»⁴⁷. Самого прошения в деле нет — оно либо было утеряно, либо отложено в архиве университетской Канцелярии.

Таким образом, если принять на веру процитированные выше слова Рындзюна, то получится, что он одновременно был в двух совершенно разных местах. Впрочем, вполне можно допустить, что Рындзюн, ради того чтобы отчислиться, нарочно приезжал в Москву — или же прислал свое прошение по почте или телеграфу из Гельсингфорса.

В любом случае, его слова о том, что он «окончил юридический» и «собирался “оставаться” на “истории философии права”»⁴⁸, являются мистификацией: согласно *документам*, студент Московского университета В.И. Рындзюн *никогда* не учился на юридическом факультете. И тем более не мог его окончить, так как в феврале или марте 1918 г. юридический факультет был закрыт⁴⁹. Впрочем, разумеется, ничто не мешало Рындзюну посещать лекции по юриспруденции до Октябрьского переворота.

Не исключено также, что интерес к этой области знаний (если он действительно был) у Рындзюна мог возникнуть благодаря знакомству с А.А. Боровым — соредктором анархистской газеты «Жизнь», где Рындзюн печатался с апреля по июль 1918 г. Круг интересов анархиста А.А. Борового был весьма широк: философия, экономика, политика, музыка, театр, литература, — но по основному образованию (полученному, кстати, также в Московском университете) он был юрист. Работу в газете А.А. Боровой совмещал с преподаванием в разных учебных заведениях Москвы. Дон-Аминадо в книге «Поезд на третьем пути» воспроизводит свой разговор с ним накануне открытия «Жизни», и в ходе этого разговора А.А. Боровой, рекомендуя Рындзюна в качестве потенциального сотрудника для отдела судебной хроники, называет его одним из своих слушателей⁵⁰.

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 2 об.

⁴⁸ Писатели — о себе. С. 41.

⁴⁹ Пойти на это университетскую администрацию принудило Постановление Наркомата просвещения РСФСР от 12 (25) февраля 1918 г., где говорилось о «совершенной устарелости учебных планов» юридических факультетов и «полном несоответствии этих планов требованиям научной методологии» (цит. по: Летопись Московского университета: Люди, события, факты. URL: <http://letopis.msu.ru/letopis/1918> (дата обращения: 09.03.17)). Вплоть до апреля 1919 г., когда на базе юридического и историко-филологического факультетов был создан так называемый «факультет общественных наук», кафедры политической экономики, статистики, финансового права, международного права, русского государственного права «относились к историко-филологическому факультету. Профессора считались выбывшими из состава юридического факультета» (Там же).

⁵⁰ Был ли он таковым в действительности, неизвестно. Сам Рындзюн/Ветлугин об этом эпизоде в своей биографии предпочел умолчать. Тем не менее

Самого Рындзюна редактор «Жизни», если верить Дон-Аминадо, считал «исключительно талантливым, умным, можно даже сказать, блестящим человеком», но в то же время, наряду с явными достоинствами, отмечал и малопривлекательные свойства его натуры: «Все понимает, много знает и за внешней робостью и сдержанностью таит большую внутреннюю разнузданность и то, что принято называть греческим огнем⁵¹. / Я ему часто говорю: сердца, Рындзюн, у вас нет, вместо сердца у вас какая-то субстанция холода, но холодом этим вы обжигаете. И, откровенно говоря, есть в нем что-то интеллектуально-преступное, какой-то душевный вывих, провал, цинизм, доходящий до грации»⁵².

В любом случае, ни университетские лекции по праву, ни аналогичные лекции А.А. Борового, ни присутствие на судебных про-

в его очерке «Анархисть», напечатанном в книге «Авантюристы Гражданской войны», имеется косвенное свидетельство того, что он и впрямь слушал лекции А.А. Борового: «Боровой прочел бесчисленное количество раз лекцию “Класс и партия”, где проводил свои взгляды о преимуществах l' action directe <прямых действий (фр.)> пред борьбой в законодательных учреждениях, о силе классового сознания и вредном бессилии партийной спайки» (*Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца. С. 75*).

⁵¹ «Греческий огонь» — так в Средние века называлась зажигательная смесь из селитры, серы, смолы и горючих масел — был изобретен византийцами, широко использовался в ходе морских сражений и при осаде крепостей.

⁵² *Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. С. 220.* Впрочем, Д.Д. Николаев и И.З. Белобровцева сомневаются в достоверности свидетельства Дон-Аминадо о Рындзюне/Ветлугине. В частности, И.З. Белобровцева справедливо указывает на откровенную предвзятость Дон-Аминадо по отношению к В. Рындзюну (см.: *Белобровцева И. «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»... С. 207–213*). Именно этой предвзятостью была обусловлена та правка, которую поэт-сатирик внес в адресованные ему и воспроизведенные в «Поезде на третьем пути» ветлугинские письма. В своей преамбуле к подборке *аутентичных* писем А. Ветлугина к Дон-Аминадо И.З. Белобровцева большое внимание уделяет анализу причин и характера этой «редактуры», однако далеко не все выводы исследовательницы представляются убедительными. Например, И.З. Белобровцева пишет: «Смысл правки первого, константинопольского письма раскрывается просто, цель здесь просматривается явно: не допустить искажения светлого облика добровольческой армии: так, из ветлугинского перечисления того, что ему приходилось делать вместе с добровольческой армией, — очищать Кубань, брать Царицын и т.д., Дон-Аминадо в своей книге изымает фразу — “с Добрармией снимали с поездов и расстреливали”» (Там же. С. 210). Сомнительно, чтобы о «светлом облике» Добровольческой армии, притом спустя немалый срок после ее разгрома, стал пещься человек, 20 лет проработавший в газете «Последние новости», которая в начале 1920-х гг. восставила против себя гигантскую часть военной эмиграции именно тем, что планомерно дискредитировала Белое движение и вооруженную борьбу с советской властью. К тому же Дон-Аминадо был этническим евреем, а Добрармия, в лице многих своих солдат и офицеров, не гнушалась еврейскими погромами, и этого ей не забывали не только в Советской России, но и в эмиграции.

цессах в качестве репортера-референта не могли дать Рындзюну полноценного юридического образования. Еще менее вероятно, что он получил его во время Гражданской войны или в первые годы эмиграции: в пору своих пореволюционных скитаний по югу и юго-западу бывшей Российской империи Рындзюн совсем ненадолго задерживался в университетских городах — Киеве и Харькове, а очутившись в Париже, был слишком загружен своей литературной и журналистской работой⁵³.

* * *

О том, что с В.И. Рындзюном происходило после его окончательного отъезда (или бегства?) из Москвы (1918) и как он превратился в А. Ветлугина, довольно подробно рассказано в мемуарной и исследовательской литературе. Напомним только (чтобы «поставить точку» в нашем повествовании), что умер он (под именем Voldemar Vetlugin) 15 мая 1953 г. в Нью-Йорке. От роду ему было всего 56 лет.

* * *

За неопценимую помощь, оказанную при подготовке данной статьи, ее автор благодарит сотрудников ЦИАМ, Российской государственной библиотеки, Библиотеки Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, а также лично А.В. Василисину, Н.А. Мартынову и Т.В. Марченко.

Литература

Бакунцев А.В. Журналист А. Ветлугин и его «путаная биография» // История отечественных СМИ. 2017. № 1. С. 106–126.

Белобровцева И. Лицо не в фокусе (К проблеме одного прототипа) // Toronto Slavic Quaterly. 2002. № 2. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/belobrovceva.shtml> (дата обращения: 15.02.17).

Белобровцева И. «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»: Письма А. Ветлугина Дон-Аминадо // Работа и служба: Сборник памяти Рашита Янгирова / сост. Я. Левченко. СПб.: Свое изд-во, 2011. С. 205–231.

Белобровцева И. М. Булгаков и А. Ветлугин // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 149–163.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступит. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 640 с.

⁵³ С октября 1920 по январь 1922 г. Рындзюн/Ветлугин опубликовал множество статей в газетах «Свободные мысли» и «Общее дело», в журнале «Зеленая палочка», а также выпустил две книги — «Авантюристы Гражданской войны» и «Третья Россия».

Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца / вступит. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком, 2000. 464 с.

Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / предисл. О. Коростелева. М.: Б.С. Г.-ПРЕСС, 2001. Т. 1: Россия в Германии. 560 с.

Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути / предисл., примеч. В. Коровина. М.: Вагриус, 2006. 384 с.

Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет / под ред. А.Я. Дегтярева и А.В. Сидорова. М.: Парад, 2005. С. 120–222.

Исторические путешествия Ивана Толстого. Берлинский перекресток: Ледяные глаза. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/60677/episode_id/1308733/ (дата обращения: 16.02.17).

Летопись Московского университета: Люди, события, факты. URL: <http://letopis.msu.ru/letopis/1918> (дата обращения: 09.03.17).

Николаев Д.Д. Ибикус, или Жизнь и смерть А. Ветлугина // Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца / вступит. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком, 2000. С. 5–38.

Николаев Д.Д. Ветлугин // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / под ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Вып. 4. С. 269–308.

Пилипенко Г. Сто лет ростовской гимназии № 36. URL: <http://www.rostovnews.net/2011/08/31/100-let-rostovskoj-gimnazii-n-36> (дата обращения: 28.02.17).

Писатели — о себе // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 3. С. 40–41.

Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж. Из дневника Бориса Лазаревского (33 письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева и др.) / предисл., публ. и коммент. С. Шумихина // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaum; Феникс, 2001. Вып. 1. С. 645–714.

Толстая Е. Толстой и Ветлугин // Toronto Slavic Quaterly. 2004. № 7. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/07/tolstaya07.shtml> (дата обращения: 16.02.17).

Толстая Е. Постскрипtum к теме «Ветлугин и Алексей Толстой» // Toronto Slavic Quaterly. 2006. № 18. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/tolstaya18.shtml> (дата обращения: 16.02.17).

Толстая Е.Д. «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 685 с.

Толстая Е. А. Ветлугин // Русское еврейство в зарубежье / науч. рук. М. Пархомовский; ред.-сост. Э.А. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб.: Академический проект; ДНК, 2007. Т. 15: Русские евреи в Америке: В 2 кн. Кн. 2. С. 76–95.

Толстой А.Н. О Париже // Петроград. 1923. № 4. С. 13–16.

Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Воинова и др.; под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. 6-е изд., испр. и доп. М.: АСТ; Астрель, 2001. 512 с.

Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. 672 с.

Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/13338> (дата обращения: 14.03.17).

Яблоновский А. Сменовеховцы // Возрождение (Париж). 1926. 26 дек. № 572. С. 2.

Янгиров Р. Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaum; Феникс, 2004. Вып. 4. С. 525–590.

References

Bakuntsev A.V. “Zhurnalist A. Vetlugin i ego ‘putanaja biografija’”. *Istoria otechestvennyh SMI*, 2017, no 1, pp. 106–126. (In Russ.)

Belobrovtsseva I. M. "Bulgakov i A. Vetlugin". *Psevdonimy russkogo zarubezh'ja: Materialy i issledovania*, eds. M. Shrubu, O. Korostelev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, pp. 149–163. (In Russ.)

Belobrovtsseva I. Litso ne v fokuse (k probleme odnogo prototipa). *Toronto Slavic Quarterly*, 2002, no 2. Online at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/belobrovtsseva.shtml> (In Russ.)

Belobrovtsseva I. "Vami zabytyi i Vas ljubyashhii A. Vetlugin": Pis'ma A. Vetlugina Don-Aminado". *Rabota i sluzhba: Sbornik pamjati Rashita Jangirova*, comp. Yan Levchenko. Saint-Petersbourg: Svoe izd-vo publ., 2011, pp. 205–231. (In Russ.)

Bunin I.A. *Publicistika 1918–1953 godov*, ed., introd. O.N. Mihailova, comm. S.N. Morozov, D.D. Nikolaev, E.M. Trubilova. Moscow, IMLI RAN; Nasledie publ., 2000. 640 p. (In Russ.)

Chudakova M.O. *Zhizneopisanie Mihaila Bulgakova*. 2nd enl. ed. Moscow, Kniga, 1988. 672 p. (In Russ.)

Don-Aminado. *Poezd na tret'em puti*, ed., comm. V. Korovin. Moscow, Vagrius, 2006. 384 p. (In Russ.)

Elektronnaja evreiskaja entsiklopedia. Online at <http://www.eleven.co.il/article/13338> (In Russ.)

Ermolaev Yu.N. "Rektor Moskovskogo universiteta M.K. Liubavsky". *Akademik M.K. Liubavsky i Moskovskiy universitet*, eds. A.Ya. Degtiarev, A.V. Sidorov. Moscow, Parad, 2005, pp. 120–222. (In Russ.)

Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka, eds. L.A. Voinov et al., introd. A.I. Molotkov. 6th rev. enl. ed. Moscow, AST; Astrel' publ., 2001. 512 p. (In Russ.)

Gul' R.B. *Ja unes Rossiju: Apologija jemigracii*: in 3 vols, introd. O. Korostelev. Moscow, B.S.G.-PRESS, 2001, vol. 1: *Rossia v Germanii*. 560 p. (In Russ.)

Istoricheskie putesheshtvia Ivana Tolstogo. Berlinskij perekrestok: Ledianye glaza. Online at http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/60677/episode_id/1308733/ (In Russ.)

Letopis' Moskovskogo universiteta: Liudi, sobytia, fakty. Online at <http://letopis.msu.ru/letopis/1918> (In Russ.)

Nikolaev D.D. "Ibikus, ili Zhizn' i smert' A. Vetlugina". *Vetlugin A. Sochinenia: Zapiski merzavtsa*, introd., comp., ed. D.D. Nikolaev. Moscow, Lakom, 2000, pp. 5–38. (In Russ.)

Nikolaev D.D. "Vetlugin". *Literatura russkogo zarubezh'ja, 1920–1940*, ed. O.N. Mihailova, Yu.A. Azarov. Moscow, IMLI RAN publ., 2008. Issue 4, pp. 269–308. (In Russ.)

Pilipenko G. *Sto let rostovskoj gimnazii № 36*. Online at <http://www.rostovnews.net/2011/08/31/100-let-rostovskoj-gimnazii-n-36> (In Russ.)

"Pisateli — o sebe". *Novaja russkaja kniga*. Berlin, 1922, no 3, pp. 40–41. (In Russ.)

"Russkaja Praga, Russkaja Nicca, Russkij Parizh. Iz dnevnika Borisa Lazarevskogo (33 pis'ma Mihaila Artsybasheva, Ivana Bunina, Aleksandra Kuprina, Il'i Surgucheva i dr.)", introd., ed., comm. S. Shumikhin. *Diaspora: Novye materialy*. Parizh; Saint-Petersbourg, Atheneum; Feniks publ., 2001. Issue 1, pp. 645–714. (In Russ.)

Tolstaya E. Tolstoy i Vetlugin. *Toronto Slavic Quarterly*, 2004, no 7. Online at <http://sites.utoronto.ca/tsq/07/tolstaya07.shtml> (In Russ.)

Tolstaya E.D. "Degot' ili med": *Aleksey N. Tolstoy kak neizvestnyi pisatel' (1917–1923)*. Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t publ., 2006. 685 p. (In Russ.)

Tolstaya E. "Postsriptum k teme 'Vetlugin i Aleksey Tolstoy'". *Toronto Slavic Quarterly*, 2006, no 18. Online at <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/tolstaya18.shtml> (In Russ.)

Tolstaya E. "A. Vetlugin". *Russkoe evreistvo v zarubezh'e*, eds. M. Parhomovsky, Ye.A. Zal'zberg. Ierusalim; Toronto; Saint-Petersburg, Akademicheskii proekt; DNK, 2007. Vol. 15: "Russkie evrei v Amerike", vol. 2, book 2, pp. 76–95. (In Russ.)

Tolstoy A.N. O Parizhe. *Petrograd*, 1923, no 4, pp. 13–16. (In Russ.)

Vetlugin A. *Sochinenija: Zapiski merzavtsa*, introd., comp., ed., comm. D.D. Nikolaev. Moscow, Lakom, 2000. 464 p. (In Russ.)

Yablonovsky A. Smenovehovtsy. *Vozrozhdenie*, Paris, 1926, December 26, no 572, p. 2. (In Russ.)

Yangirov R. "Iz istorii russkoi zarubezhnoi pečati i knigoizdatel'stva 1920-h godov" (Po novym materialam). *Diaspora: Novye materialy*. Paris, Saint-Petersburg, Athenaeum, Feniks, 2004. Issue 4, pp. 525–590. (In Russ.)

A. Vetlugin's Student Years, 1914–1918

Anton V. Bakuntsev

Abstract: In 2017 is the year of the 120th anniversary of A. Vetlugin, who is among the brightest representatives of the first wave Russian emigres who exerted a great influence on the public opinion of the Russian emigration in the 1920s. In history of the Russian émigré literature and journalism he is known by his pen name A. Vetluguin; his real name is V.I. Ryndziun (1897–1953). Although there exist several studies dedicated to his biography and heritage, his student years at Moscow University remain poorly studied. The present article intends to fill the gap.

Keywords: A. Vetluguin, V.I. Ryndziun, Moscow Imperial University, World War I, February Revolution, October Revolution, Russian emigration.

Information about author: Anton V. Bakuntsev, PhD, Associate Professor, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: auctor@list.ru